

Одной из главных задач Межрегионального Шаляпинского центра, созданного в 1992 году, стал поиск новых материалов и исследование неизученных страниц биографии великого русского певца Федора Ивановича Шаляпина. В шаляпинских обществах, созданных за эти годы в Петербурге, Казани, Кирове, Уфе, Сыктывкаре, Тамбове, других городах, удалось сделать настоящие открытия. Одно из них — воссоздание утерянного портрета матери певца. Во время редких командировок в дальнее зарубежье наши исследователи не упускают возможности поработать в архивах, библиотеках. Ведущий научный сотрудник МГУ Олег Шаталов, недавно побывавший в Австралии, подарил Шаляпинскому центру поистине бесценные материалы, собранные им в Сиднее. Их перевел писатель Борис Никитин.

"Зеленый" континент Ф.И.Шаляпин посетил в 1926 году, где дал 25 концертов. Импресарио певца Клод Кингстон рассказал об этом в австралийской газете "Эйдж". Эта статья — кладезь данных о турне, о котором мы знаем очень мало.

Воспоминания Клода Кингстона публикуются в России впервые. Не все в них бесспорно, как, например, утверждение о негативном отношении певца к прессе. Наоборот, хорошо известно как раз обратное — самое внимательное отношение Шаляпина к журналистам. Небесспорно и многое другое, представляющее порой, как кажется, в свете весьма субъективных оценок. И тем не менее, думаю, что читателям небезынтересно будет познакомиться с этим редким рассказом о великом певце, 125 лет со дня рождения которого широко отмечается в этом году.

Юрий ТИМОФЕЕВ,
Президент Межрегионального
шаляпинского центра

Ф.И.Шаляпин с дочерью Дасей. Новая Зеландия. 1926 г.

Мне представляется, что "типичный" русский не более типичен, чем типичный австралиец. Но мне кажется, я знаю, что означает этот термин. Типичный русский — это некто, похожий на Федора Шаляпина.

Среди всех людей, с которыми мне приходилось встречаться в жизни, великий русский бас был ярчайшей личностью — темпераментный, капризный, трудный человек, исключительный эгоист, но в то же время добросердечный, нежный, отзывчивый и милый, как дитя.

Однако как артист Шаляпин был далеко не ребенком. Один писатель сказал о нем: "По сочетанию во-

кального и драматического гения он был в наше время уникален". С этим нельзя не согласиться. И все же детскость всегда присутствовала в этом великом актере и певце, представлял ли он смертельные терзания Бориса Годунова или пел такую относительно "заигранную" песню, как "Эй, ухнем".

Я был импресарио его концертного турне по Австралии и Новой Зеландии в 1926 году, организованно фирмой "J. and N. Tate". Общаясь с ним, я понял, что Шаляпин не был таким страшным человеком, каким любил себя представлять. Однако бывал он разным.

В Аделаиде согласился принять журналистку, которая хотела проинтервьюировать его для своей газеты. Он был в начале беседы в высшей степени вежлив, потом как будто в него вселился дьявол.

А для этого были две причины. Во-первых, он вообще не любил журналистов, всех журналистов, независимо от их пола, во-вторых, за час или два до этого он узнал, что представители налоговых служб возьмут с его гонорара огромный налог, и он был разъярен...

Все началось хорошо, так, во всяком случае, показало журналистке. Шаляпин сказал ей, что собирается купить участок земли в Аделаиде. От этой новости у нее даже задрожали руки, она едва могла делать заметки.

— Здесь такая прекрасная земля, — ворковал Шаляпин, — все так красиво!

— И большой участок? — спросила журналистка. Она, несомненно, представляла себе в этот момент газетный заголовок: "ВЕЛИЧАЙШИЙ БАС МИРА СОБИРАЕТСЯ ПОСЕЛИТЬСЯ В АДЕЛАИДЕ".

Но последовавший ответ Шаляпина вдребезги разбил ее мечты.

— Нет, — прорычал он. — Около двух с половиной метров на полтора, чтобы хватило на могилу.

Надо ли говорить, что это интервью не увидело света.

Когда он приехал в Австралию, ему было за пятьдесят, его светлые волосы начали седеть, он был

очень красив, ростом около 195 см,* широкоплечий, с величественной походкой — поистине царский образ. В нем чувствовалась огромная сила.

Он стал профессиональным оперным певцом в семнадцать лет, а в двадцать был уже всемирной звездой, триумфально выступая в оперных театрах и концертных залах Европы и Америки.** Перед ним преклонялись, и поклонение стало для него привычным.

И все же можно удивляться, что Федор Иванович Шаляпин, бедный крестьянский сын из Казани, был мало испорчен своим успехом.

Иногда Шаляпин злил меня. Или, пожалуй, лучше сказать, что мог бы меня разозлить, если бы я не держал себя в руках. Злиться на Шаляпина означало бесцельно растрчивать свою эмоциональную энергию.

Чего бы я достиг, если бы в ярости набросился на него в день его последнего концерта в Сиднее, когда он решил не появляться на сцене, поскольку, как он сказал, ему "нездоровится".

Билеты на дневное выступление в сиднейском концертном зале были полностью распроданы, и часть слушателей уже сидели на местах, когда госпожа Шаляпина позвонила мне по телефону, сообщив эту ужасную новость. До начала концерта оставалось немногим более часа.

Я вызвал такси и поехал к дому на Роуз Бэй, в котором проживал Шаляпин с семьей. Когда я приехал, он лежал, делая вид, что спит. Не обращая на это никакого внимания, я высказался более чем решительно. Он сел и заорал, чтобы я убрался из дома и оставил его в покое, чтобы шел к черту и забрал с собой всех слушателей, ибо он слишком болен для того, чтобы петь.

Я промолчал: слишком хорошо я знал артиста, чтобы спорить с ним. Я просто подошел к кровати, сел и начал играть музыку из "Богемы" Пуччини.

Выбор был рассчитан точно. Мне было известно, что "Богема" была любимой оперой Шаляпина. Он любил ее, потому что она пробуждала в нем воспо-

Федор Шаляпин

великого артиста

минания о приятных переживаниях тех давних лет, когда он пел в Ла Скала в Милане с примадонной, знаменитой своим исполнением роли Мими.***

Он сидел, спокойно слушая музыку. Затем раздался могучий голос, заглушивший мелодии Пуччини.

— Ванну, — вскричал он, — одеваться! Вы что, забыли про мой концерт? Вы заставляете ждать господина Кингстона.

Концерт начался на час позднее — в 15.30 вместо 14.30. Но никто не жаловался. Шаляпин исполнил всю программу. Было шесть часов, когда он спел свой последний "бис".

Мне думается, что у него в натуре была шаловливая черта, которая заставляла его портить жизнь концертным менеджерам, если только это было возможно. Это было состязание умов и воли.

Его контракт с "J. and N. Tate" предусматривал, что он должен был дать 25 концертов в Австралии и Новой Зеландии, но мы знали о его репутации и, когда началось турне, предполагали, что десять или даже больше концертов будут отменены.

И я уверяю вас, что эти опасения были не без оснований. Почти каждый раз в день выступления он лежал в постели до тех пор, пока оставалось полчаса до начала концерта.

Очень часто его посещал врач, чтобы обследовать знаменитое горло. И если доктор находил малейший симптом нездоровья, Шаляпин начинал кричать, чтобы все убиралось из комнаты и что петь он не будет.

Одна из моих задач состояла в том, чтобы убеждать его не нарушать своих обязательств, и, хотя возникал кризис за кризисом, турне прошло так, что он не пропустил ни одного из запланированных 24 концертов, кроме ... последнего.

Я знал, что еще никому из импресарио Шаляпина нигде в мире не удавалось заставить его выполнить всю программу турне полностью, и я хотел стать первым, кто сумел бы этого добиться.

25-й и последний концерт его австралийского тур-

не был назначен в Окленде. Когда в то утро я пришел к нему в гостиницу, он не мог сказать ни слова.

Отсутствие голоса казалось правдоподобным, но это было то, что солдаты называют самострелом. Он добился этого непрерывным курением в течение 12 часов, о чем он передал мне с удовольствием через свою жену. Его глаза светились триумфом при мысли, что, наконец, он победил меня.

Я спокойно воспринял свое поражение, это его несколько озадачило. Для моего спокойствия была веская причина. Предвидя нечто подобное, я арендовал Оклендский концертный зал не только на этот вечер, но, что было певцу неизвестно, еще и на следующий.

Мы отложили концерт, и наутро я приехал к Шаляпину, застав его в радостном настроении и с восстановленным голосом. Когда я объявил ему, что он должен петь сегодня вечером, на лице его можно было прочесть ужас, но тут же он разразился громким смехом и не стал возражать.

Таким образом, его 25-й австралийский концерт не был отменен, а лишь отложен. Насколько мне известно, рекорд 100-процентного исполнения концертного турне Шаляпиным не был повторен больше нигде.

Конечно, у меня не было бы такого профессионального успеха, если бы не поддержка (разумеется, без ведома Шаляпина) со стороны его жены**** и трех дочерей — Стеллы, Марины и Даси.

Он был почти фанатически строг со своими дочерьми, и я до сих пор с дрожью вспоминаю, как однажды вечером на платформе железнодорожной станции Спенсер-стрит он обрушился на меня, когда мы с минуты на минуту должны были сесть в экспресс, чтобы ехать из Мельбурна в Сидней, а Стелла куда-то исчезла.

Стелле было 24 года, и у любого мужчины начиналось сердцебиение, когда она обращала на него томный взгляд своих темных глаз.

Я-то знал, что в тот день она была в надежных руках: поехала по Мельбурну с одним из почтенных хо-

лостяков, городским советником доктором Дженгултом Смитом, который впоследствии стал мэром Мельбурна.

Мои заверения не утомили Шаляпина. И когда приблизилось время отправления экспресса, а Стеллы все еще не было, раздался страшный крик Шаляпина, которые заставили вздрогнуть всех, находившихся на платформе.

Он считал, что я лично ответствен, и я уже подумывал, как бы удрать и спрятаться, когда увидел Стеллу и Смита, бежавших к нам по платформе. Мы с Шаляпиным прыгнули в поезд за считанные секунды до отправления, и только тогда я вздохнул спокойно.

Шаляпин был велик во всем, даже в гневе. Я видел его страшно разъяренным еще по одному поводу, и опять из-за Стеллы, а я снова оказался причастным.

В Сиднее я сопровождал Стеллу на артистический бал. На этот вечер ее мать дала ей свою замечательную старую шаль из белого китайского шелка с превосходной вышивкой. Стоимость такой шали составляла 200 долларов, но это была семейная реликвия.

Когда мы танцевали последний танец, Стелла повесила шаль на спинку стула, и шаль исчезла. Стелла растерялась, я тоже, но мы не сдавались, что Шаляпин не узнает о пропаже до того, как можно будет вернуть шаль.

Я сообщил об утрате в полицию, и на следующий день в газете "Сан" появилась заметка с фотографией Стеллы. Я не очень беспокоился, так как Шаляпин не читал по-английски, но нам не повезло.****

Один из его друзей, говорящих по-русски, прочитал ему это сообщение, и он взорвался. Он кричал на Стеллу, кричал на меня и еще громче кричал на свою бедную жену, какого черта ей пришлось в голову разрешить своей глупой дочери взять на артистический бал бесценную вещь.

Надеясь выйти из положения, я отправился в большой магазин Фармера и нашел продавца, кото-

рый перерыл все полки и вытащил шаль, хотя сделанную из искусственной ткани, но очень похожую по рисунку, цвету и общему виду на утерянную.

Я принес ее Шаляпину, сказал, что пропажа найдена. Он тщательно осмотрел ее и заулыбался, решив, что и в самом деле шаль — "наша". Солнце засияло снова.

Насколько мне известно, потерянная настоящая шаль так и не была возвращена Шаляпину.

Вряд ли надо говорить о том, что человек, который может так петь и быть таким актером, выражая так тонко все оттенки человеческих чувств, сам должен обладать глубоко эмоциональной натурой.

Однажды я видел, как он на несколько секунд полностью потерял контроль над собой. Это было в конце концерта в Сиднее. В его замечательном голосе появились признаки усталости, и в этот вечер он не смог петь некоторые из высоких нот пианиссимо, которые обычно ему хорошо удавались.

В конце концерта он ушел со сцены и вошел в артистическую. Там его ожидали мы с госпожой Шаляпиной. Его лицо внезапно искажилось, и он бросился к стене, намереваясь удариться о нее головой.

Мы схватили его. Он был сильнее нас обоих вместе, но все же нам удалось удержать его, пока не прошел этот момент ярости, а затем он опустился на стул, тяжело дыша.

Я рад упомянуть о том, что он продолжал петь и пел чудесно как в опере, так и в концертах до 1937 года, когда оставалось лишь несколько месяцев до его смерти в Париже в апреле 1938 года.

После австралийского турне он прислал мне из Европы золотую медаль. На ней отчеканен его портрет и его почерком выгравирована надпись: "Моему дорогому и симпатичному другу Клоду Кингстону". А орфографическая ошибка (он написал слово "симпатичный" sympatetic вместо sympathetic) делает этот подарок еще более дорогим для меня.

Клод Кингстон ("Эйдж")

Примечания

* — рост Шаляпина 193 см.

** — в 17 лет Шаляпин еще не был "профессиональным оперным певцом", а "всемирной звездой" он стал лет через 15.

*** — "Богема" никогда не была "любимой оперой" Шаляпина.

**** — жена Шаляпина — Мария Валентиновна.

***** — хорошо известно, что Шаляпин владел английским превосходно.